

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ
КРУЖКОВ И ГРУПП 80 — НАЧАЛА 90-х гг.

Гипотезы, даже ошибочные, имеют и хорошую сторону (под условием, конечно, не увлекаться ими до презрения к фактам): они возбуждают деятельность мысли.

Н. Г. Чернышевский

Процесс осмысления и творческого применения в практике исследовательской работы ленинской концепции генезиса РСДРП закономерно обратил историко-партийную мысль к изучению социал-демократических кружков и групп 80 — начала 90-х гг. — первых идейных и организационных средоточий совершенно нового для России идейного течения.

Эта проблема встала перед историками во всей своей первозданности: весь «утробный период» истории российской социал-демократии дооктябрьская историографическая традиция связывала преимущественно с группой «Освобождение труда», оставляя почти ничем не заполненной огромную лакуну — возникновение и развитие движения в самой России, где в ходе страстных идейных исканий и борьбы происходил трудный поворот революционных сил к новой мировоззренческой системе, которой принадлежало будущее. Чтобы заполнить эту лакуну, надо было всю историю социал-демократических организаций 80 — начала 90-х гг. написать заново на основе документов, которые до Октября 1917 г. были абсолютно недоступны историкам.

Без этого невозможно было в целостном виде представить процесс выделения пролетарски-демократической струи из общедемократического (народнического) потока и, следовательно, выяснить общие закономерности и особенности перехода от революционного демократизма и утопического социализма к марксизму в специфических условиях России, где процесс буржуазного преобразования экономического и политического строя еще далеко не завершился. Естественно, что историко-партийная мысль, воскрешая забытые страницы истории революционного движения, сосредоточилась на социально-

экономических и общественно-политических факторах, определивших мировоззренческие сдвиги в недрах революционного подполья, на условиях формирования новых революционных объединений, идеологически противостоявших народничеству, на характере их пропагандистской деятельности и взаимодействии с заграничным теоретическим центром в лице группы «Освобождение труда». Все это имело принципиальное значение, поскольку в конечном счете речь шла о доказательстве объективной неизбежности появления марксистской идеологии и адекватной ей общественно-политической практики на русской почве.

Очевидно, что изучение социал-демократических кружков и групп 80 — начала 90-х гг. требовало системного подхода. Первый опыт в этом направлении, предпринятый В. И. Невским, получил отрицательную оценку современников, хотя это никак не может служить предлогом для принижения его крупных заслуг в разработке проблемы. Обладая высокой исследовательской страстью и огромной работоспособностью, он уже к 1924 г. поднял и в какой-то мере обобщил широкий круг архивных материалов, позволивших пролить свет на почти не изученную главу истории жизни и борьбы пионеров российского марксизма.

Как мы уже отмечали, зарождение марксизма в России Невский связывал с возникновением двух параллельных социал-демократических течений (заграничного и внутри-русского), имевших один общий источник — кризис и разложение старого революционного народничества¹. В своей далеко не безупречной схеме эволюции «Народной воли» и «Черного передела» именно последнему он отводил главную роль в том критическом пересмотре своего мировоззрения, которым была подготовлена почва для возникновения как группы «Освобождение труда», так и «Партии русских социал-демократов» (группы Благоева). Становление социал-демократических организаций на русской почве автор рассматривал как «незаметный процесс выделения из народнических слоев новых, социал-демократических элементов», которые часто ощупью и медленно, но все же шли к той самой цели, какую поставила себе группа «Освобождение труда»². Остатки черно-

¹ См.: *Невский В. И.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 333.

² См. там же. С. 192.

передельцев, по его мнению, составили первое ядро социал-демократов в самой России¹ — группу Благоева.

Эта группа привлекла особенно пристальное внимание В. И. Невского, тем более что и после опубликования ее программы² некоторые историки не оставляли за ней права считаться социал-демократической организацией. Опираясь на сравнительно узкий еще круг опубликованных источников, дополняя их архивными данными, автор восстановил (правда, в общих чертах) историю возникновения «Партии русских социал-демократов», ее основной состав, главные направления практической деятельности, революционные связи. Впервые он проследил дальнейшую судьбу участников организации, которая «в деле осуществления своей программы на практике... сделала очень много...»³.

В. И. Невский считал, что центр тяжести всей теоретической и практической работы «Партии русских социал-демократов» лежал в интеллигентской среде. Но в качестве основного достижения благоевцев он выделял их практическую деятельность в среде рабочего класса, которая, в отличие от народовольцев, была осмыслена как главная задача социалистов. Автор подчеркивал, что эта деятельность имела своим результатом подготовку первых русских социал-демократов, ставших связующим звеном между благоевской группой и последующими марксистскими организациями в стране⁴.

Опираясь на ленинские положения о возникновении теоретического учения социал-демократии и внесении его в среду рабочего класса, Невский высказал ряд ценных суждений об организации социал-демократической пропаганды, о самом механизме создания марксистских рабочих кружков и о роли интеллигентов-марксистов, воспитавших первые кадры рабочих — организаторов движения своего класса. В этой связи Невский подверг острой критике точку зрения В. Н. Астрова, настаивавшего на «самопроизвольном», не связанном с деятельностью интеллигенции зарождении первых социал-демократических рабочих кружков. Невский отметил, что заслуга первых «интели-

¹ См.: *Невский В. И.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 217.

² См.: *Былое.* 1918. № 13. С. 43—48. Публикация Б. Николаевского.

³ *Невский В. И.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 236.

⁴ См. там же. С. 237.

гентных рабочих» состояла не в создании кружков саморазвития, а в том, что они сумели, благодаря влиянию социал-демократической пропаганды и своему классовому чутью, «понять, где истина», и вместе с социал-демократической интеллигенцией «взять определенную линию и заложить фундамент первых социал-демократических организаций»¹.

Пристальное внимание Невского привлек вопрос о характере связей блгоевцев с группой «Освобождение труда». Этот крайне спорный в то время вопрос он решал на основе сопоставления идейного уровня программных документов, выработанных обеими организациями. Справедливо отмечая, что блгоевцы обратились к группе «Освобождение труда» в поисках «идейной поддержки», Невский основательно изучил их собственное программное творчество и показал, почему оно не нашло (и не могло найти) полного одобрения со стороны Плеханова и его товарищей: в программе «Партии русских социал-демократов» еще не было «той принципиальной выдержанности, той марксистской ясности и четкости, какие должны быть присущи программе социал-демократии...»².

Аргументируя эту мысль, Невский углубил представления доктябрьской большевистской историографии об источниках формирования идеологии группы Блгоева. Новым в его анализе было указание на принципиально различный подход блгоевцев и группы Плеханова к вопросу о государстве и в связи с этим к требованию государственной помощи производительным ассоциациям. То же самое следует сказать и относительно постановки темы и другими вопроса о путях перехода к социализму. Вскрывая влияние лассальянских идей на обе группы, Невский исходил из того, что ко времени установления их непосредственных связей Плеханову, в отличие от блгоевцев, была уже ясна сущность той критики, которой подверг Лассаля К. Маркс. Вооруженный диалектическим методом основоположника научного коммунизма, он отбросил «моральную точку зрения» на государство и определил его как классовую организацию, охраняющую интересы господствующего класса³. Достаточно глубоко Невский вскрыл и другой источник некоторых программных положений блгоевцев — учение П. Л. Лаврова.

¹ См.: *Невский В. И.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 333—335, 336.

² Там же. С. 224.

³ См. там же. С. 226—227.

В «Партии русских социал-демократов» Невский видел великолепный образец ломки старой идеологии, а ее собственное мировоззрение рассматривал как переходное от народничества к марксизму. Он считал, что в программе блгоевской группы уже имелись в зародыше те основные взгляды, на которых впоследствии была построена Программа РСДРП¹. Особое значение он придавал тому факту, что блгоевцы самостоятельно пришли к мысли о необходимости создания рабочей партии с определенной программой требований и определенным планом действий². Вынашивая эту идею, удаляясь от народнических представлений о движущих силах социальной революции, блгоевцы в итоге приняли программу группы «Освобождение труда». Этим выводом Невский подчеркнул не только ведущую тенденцию идейного развития «Партии русских социал-демократов», но и реальное соотношение его уровня с достижениями плехановской группы, программу которой, по убеждению историка, приняли «все более или менее солидные социал-демократические организации в России»³. Тем самым автор давал надежный научный ориентир для установления соотношения идеологии группы «Освобождение труда» с мировоззрением социал-демократических кружков и групп 80 — начал 90-х гг. в самой России.

С этих позиций Невский попытался воссоздать и историю «Товарищества Санкт-Петербургских мастеровых» (группы П. В. Точисского). Эту группу он считал настоящей социал-демократической организацией, большое значение которой усматривал в том, что в ней, в ее кружках получили теоретическую подготовку выдающиеся рабочие, на чью долю выпала задача организовать в конце 80-х гг. так называемый «Рабочий союз» (группа М. И. Бруснева)⁴. Автору удалось выяснить не только основные моменты внешней истории организации Точисского, но и отметить специфические черты в ее воззрениях и практической деятельности (полное отрицание террора, взгляд на интеллигенцию как попутчика в движении рабочих, сосредоточение в руках последних всей практической деятельности)⁵. Важное значение имело выяснение конспиративных

¹ См.: *Невский В. И.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 229, 520.

² См. там же. С. 231.

³ Там же. С. 337.

⁴ См. там же. С. 242.

⁵ См. там же. С. 237—242.

связей организации: это открывало возможность целенаправленного поиска тех недостающих звеньев в цепи социал-демократических объединений, которые позволяли поставить на твердую научную почву проблему идейной и отчасти организационной преемственности движения в общероссийском масштабе.

Слабым местом в исследовании Невского представляется характеристика общественно-политических воззрений Точисского, идейного облика его группы в целом. Основанная на позднейших воспоминаниях А. Брейтфуса, она оказалась в известной мере модернизированной. Автор, например, полагал, что Точисский, по-марксистски понимая классовые отношения в стране, роль пролетариата, крестьянства, буржуазии и интеллигенции, избрал правильную революционную тактику¹. Не получили точной оценки и организационные принципы «Товарищества Санкт-петербургских мастеровых».

Отвергая распространенное мнение, что рабочие «самостоятельно додумывались до социализма», утверждая фактами мысль об огромной роли социалистической интеллигенции в деле развития «рабочего самосознания», Невский с большой проницательностью установил обстоятельства возникновения в недрах освободительной борьбы 80-х гг. того большого потока, который начал формироваться в самой пролетарской среде. «Рабочая интеллигенция», сложившаяся под влиянием социал-демократической и народнической пропаганды и приступившая к самостоятельному созданию рабочих кружков, сыграла, по мнению историка, «крупнейшую роль в деле формирования российской социал-демократии»². Сознательно примыкая к новому течению, эти кружки давали могучий импульс расширению и углублению всей социал-демократической пропаганды.

Изучая историю взаимодействия интеллигентских и рабочих кружков, подвигавшихся к новому мировоззрению, Невский одним из первых обратил к изучению петербургского «Рабочего союза» (группы М. И. Бруснева). Это наиболее крупное социал-демократическое объединение конца 80 — начала 90-х гг. было как бы заново открыто благодаря выявлению архивных документов и выходу в свет воспоминаний ряда его участников (М. И. Бруснева, К. М. Норинского, В. М. Карелиной, В. А. Шелгунова).

¹ См.: *Невский В. И.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 240.

² Там же. С. 245—246.

На этой основе Невский воссоздал, правда во многом пунктирно, отдельные стороны истории организации, высветил образы замечательных деятелей ее рабочего ядра (Е. А. Афанасьева, Ф. А. Афанасьева, Н. Д. Богданова, К. М. Норинского, В. А. Шелгунова), выяснил наиболее характерные черты ее практической работы и идейных поисков¹.

Идеологию группы Бруснева Невский рассматривал как переходную от народовольчества к марксизму. В ней, писал он, «причудливо сочетались те и другие элементы. И... только постепенно социал-демократические элементы отесняли остатки старой народовольческой идеологии». Автор отмечал «полный хаос и неясность» во взглядах участников группы по многим вопросам, подчеркивал «культурнический характер» их деятельности. Но тем не менее он считал, что сам Бруснев, интеллигенты и рабочие петербургского центра «были уже социал-демократами»: вели практическую работу в социал-демократическом духе². Невский, видимо, не располагал данными об отношении брусневцев к программе группы «Освобождение труда», что позволило бы полнее раскрыть и по достоинству оценить их взгляды и практические устремления.

В целом же Невский дал высокую, несколько даже преувеличенную оценку группе Бруснева как социал-демократической организации, подготовившей ядро организаторов-рабочих, из которого, как он полагал, вырос петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», впервые поставивший вопрос «о расширении и объединении работы... в общероссийском охвате»³. К сожалению, Невскому не удалось выявить те кружки социал-демократического направления, которые непосредственно предшествовали возникновению петербургского «Союза борьбы...» и действительно составили, наряду с некоторыми участниками группы Бруснева, его основное ядро (кружок С. И. Радченко, с которым осенью 1893 г. установил связь В. И. Ленин, кружок Петербургского университета).

Слабое отражение в исследованиях Невского нашло социал-демократическое движение конца 80 — начала 90-х гг. в Москве. Отметив крайне недостаточную изу-

¹ См.: *Невский В. И.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 247, 270—279.

² См. там же. С. 273—274, 279.

³ См. там же. С. 278—279.

ченность его, он указал лишь на то, что в течение 80-х гг. оно было «неизмеримо слабее, чем в Петербурге»¹.

Наряду с исследованием наиболее значительных столичных социал-демократических групп, Невский предпринял смелые экскурсии в историю марксистских кружков первой половины 90-х гг. в Казани, Нижнем Новгороде, Владимире, Туле, Одессе, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Киеве. Он рассматривал их в качестве «кружков переходного типа», где в напряженных идейных исканиях выкристаллизовывалось социал-демократическое сознание, шел процесс упрочения теории и программы российской социал-демократии, расширения ее влияния в противовес идеологии народничества. По сути дела, Невский первым сумел нащупать в этом «молекулярном процессе» те первоначальные, порой еще весьма незрелые организационные завязи социал-демократической мысли и практики, из которых выросли опирающиеся на передовых рабочих более устойчивые объединения, сыгравшие значительную роль в дальнейшем развитии социалистического рабочего движения. Но ему не всегда удавалось правильно расставить акценты в оценке действительной роли и значения выявленных к тому времени марксистских кружков, их организаторов и участников.

Заслуживает внимания обращение Невского к изучению идеологии марксистских кружков Н. Е. Федосеева. Опираясь на ленинскую оценку роли «этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера» в повороте революционной интеллигенции Поволжья и некоторых местностей Центральной России к марксизму², автор попытался решить сложный вопрос о становлении и развитии его общественно-политических взглядов. Историк не сумел преодолеть затруднений, связанных со скудостью фактического материала и ненадежностью некоторых источников, но все-таки наметил основные вехи движения Федосеева к последовательному марксистскому воззрению, вполне отстоявшимся к началу 90-х гг.³ В Федосееве Невский видел удивительно своеобразный, оригинальнейший продукт переходной эпохи, тип марксиста, сумевшего «понять и разглядеть те экономические и социальные пружины, которые толкали Россию

¹ Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 254.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 325.

³ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 257—261.

на путь революции» и, главное, увидеть ее творца — пролетариат¹.

Автор, к сожалению, не избежал излишне прямолинейной акцентировки на «совершенно самостоятельном» идейном развитии Федосеева и других членов созданных им кружков, что предопределило недооценку литературных источников формирования их мировоззрения. Это касается, в частности, изданий группы «Освобождение труда», программных работ Плеханова. Невский признавал хорошее знакомство Федосеева с произведениями членов группы «Освобождение труда», утверждал даже, что он «разделял в основе» взгляды Плеханова². Но, противореча себе, отстаивал мысль о том, что русские социал-демократические кружки конца 80-х гг. «развивались независимо» от плехановской группы, так как изучали Маркса и Энгельса исключительно по первоисточникам³. С другой стороны, Невский переоценивал зрелость марксистских взглядов таких участников движения, как А. А. Саниян и П. Н. Скворцов. Последнего он ошибочно представлял законченным марксистом и одним из вдохновителей федосеевской группы⁴. Однако все это не снижает ценности самой попытки Невского выяснить вклад Федосеева — теоретика и практика — в дело применения марксизма к условиям России и создания новых очагов социал-демократического движения.

В целом же следует сказать, что круг источников, которыми располагал Невский, предопределил фрагментарный характер его анализа развития столичных и местных социал-демократических кружков и групп. Но наблюдения автора закладывали основу для более выверенных с методологической точки зрения подступов к выяснению внутренних источников движения революционной мысли страны к марксизму. К сожалению, именно отступления от непреложных требований научной методологии серьезно затрудняли позитивную работу в этом направлении.

Это нашло отражение в работах Н. Л. Сергиевского, хотя значительную роль его в изучении социал-демократических кружков и групп вряд ли можно поставить под сомнение. Правда, эту роль следует очертить той стороной

¹ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 283.

² См. там же.

³ См.: Невский В. И. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 61.

⁴ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 258.

их истории, которую он сам называл «прагматической». Действительно: если в освещение внешней, событийной так сказать, стороны революционного подполья того времени Сергиевский внес немало ценных наблюдений, то трактовку его идейной жизни он всецело подчинил своей несостоятельной концепции возникновения и развития «туземного марксизма».

В связи с анализом соотношения идеологии «туземного марксизма» с воззрениями группы «Освобождение труда» Сергиевский первым обратился к изучению московского «Общества переводчиков и издателей»¹. Ему принадлежит несомненная заслуга не только в постановке вопроса о месте этой организации в истории российского социал-демократического движения, но и в попытке выявления ее состава, революционных связей, издательской деятельности. Было справедливо отмечено, что «Общество переводчиков и издателей», известное современникам, оказалось впоследствии совершенно забытым.

Но изучение идеологии московского кружка «переводчиков и издателей» Сергиевский нацелил на пересмотр сложившихся представлений о группе «Освобождение труда» как родоначальнице марксизма в России. Исходя из того, что указанный кружок «литературно» выступил ранее плехановской группы, он попытался отвергнуть положение Дейча о том, что в 1883 г. в России «не было еще ни одного социал-демократического кружка»². Отвлекаясь от идейного содержания первых изданий «Общества», Сергиевский неосновательно убеждал читателей в правоте В. П. Акимова (Махновца), утверждавшего, что к 1883 г. в стране существовало несколько марксистских кружков и, следовательно, группу «Освобождение труда» родоначальницей марксизма в России считают лишь потому, что она одна могла открыто говорить в «тишине» наступившей реакции правительства Александра III³.

В итоге оценка Сергиевским идеологии «Общества переводчиков и издателей» оказалась однозначной: он признал ее «марксистской без всякой примеси»⁴. Все

¹ См.: *Сергиевский Н. Л.* Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки // Историко-революционный сборник. Т. 2. Л., 1924.

² См. там же. С. 88, 91. См. также: *Дейч Л.* О былом и небылицах // Пролетарская революция. 1923. № 3 (15). С. 43—44.

³ См.: *Сергиевский Н. Л.* Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 90.

⁴ См. там же. С. 98.

отличие этого кружка от группы Плеханова автор видел лишь в том, что он ставил себе «задачи исключительно пропагандистские», избегая «агитационного элемента» последней. В. Т. Распопина и Людвиг Яновича Сергиевский изобразил законченными марксистами, «марксистской головкой» организации, вокруг которой группировались «сочувствующие».

Сколько-нибудь убедительно обосновать свою точку зрения Сергиевскому не удалось. Анализируя введение к изданному «Обществом переводчиков и издателей» в январе 1884 г. письму «К товарищам», он не мог не отметить «нечеткость и расплывчатость» отдельных его положений. Но объяснял наличие их тем, что письмо печаталось в то время, когда «марксистская головка» общества была уже «срезана», а остальные участники оказались неспособными «печатно формулировать и защитить свое мирозерцание...»¹. Это было противоречие, из которого нельзя было выйти, не признав переходного характера идеологии «Общества». Автор же, провозгласив его носителем «совершенно чистого знамени научного социализма», лишь усугублял свои ошибки: он постулировал наличие к моменту образования группы «Освобождение труда» не только марксистской идеологии в революционных сферах России, не только практических шагов для утверждения ее, но и попыток создания марксистской партии².

В своем стремлении подкрепить все это фактическим материалом Сергиевский допустил грубейшую ошибку: вопрос об авторстве письма «К товарищам» он предположительно решал в пользу Распопина и рассматривал его как документ «Общества»³. В действительности же автором указанного письма был П. Б. Аксельрод. Легко понять, какую путаницу должна была внести эта ошибка в представления Сергиевского об идеологии рассматриваемой организации, о характере ее деятельности. Следуя своей надуманной схеме «происхождения русской социал-демократии», он обнаружил в письме «К товарищам» «лавризм, рафинированный от идеологически-реакционной шелухи». Представление автора о «позднем лавризме» как законченном выражении «туземного марксизма» позволи-

¹ *Сергиевский Н. Л.* Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 93.

² См. там же. С. 91.

³ См. там же. С. 95.

ло ему утверждать, что корни последнего надо «искать не в 1883 году, а в конце 70-х годов...»¹.

Таким образом, положения письма «К товарищам», написанного Аксельродом, Сергиевский противопоставил... взглядам группы «Освобождение труда» для доказательства ее теоретической ущербности! Один этот факт начисто обесценивал его суждения о соотношении идеологии «туземного марксизма» с плехановской группой. Понятно, что взгляды Сергиевского на идеологию «Общества переводчиков и издателей» не получили, и не могли получить, признания со стороны историков: слишком очевидным было противоречие их с источниками, которые в то время вводились в научный оборот.

К 1926 г. было выяснено, что «Общество» не имело отношения к составлению письма «К товарищам». Но вместо того чтобы в связи с этим внести коррективы в характеристику идеологии «Общества», Сергиевский объявил ее «спорадическим марксизмом», в основе которого лежал «упадочный лавризм», участвовавший, наряду с народничеством 80-х гг., в формировании идеологии марксизма².

Суждения Сергиевского о московской группе «переводчиков и издателей» встретили резкую критику со стороны Дейча. Он заявил, что все доводы историка — «мыльный пузырь», так как никакой социал-демократической группы в Москве не было и, следовательно, никакой марксистской литературы она там не издавала³. Дейч ошибочно полагал, что вся деятельность «Общества» сводилась лишь к распространению отдельных выпусков «Библиотеки современного социализма» и изданного в литографированном виде письма «К товарищам»⁴. Но Дейч первым обратил внимание на неправильное истолкование Сергиевским соотношения идеологии группы «Освобождение труда» с идеологией московского кружка Распопина — Яновича, первым указал и его источник: грубую ошибку в атрибуции документов, на которых базировал свои

выводы историк¹. Вместе с тем оппонент Сергиевского не допускал даже мысли о возможности возникновения в России тяготеющей к марксизму революционной группы вне зависимости от группы «Освобождение труда».

Это заблуждение Дейча, как и успешные импровизации Сергиевского относительно идеологии «Общества переводчиков и издателей», с достаточной основательностью были развеяны исследованиями П. И. Анатольева, предпринятыми в начале 30-х гг. Историк посвятил указанной организации две статьи², основанные на «Обзорах дознаний...», архивных документах и воспоминаниях участников (П. Аргунова, Ф. Усольцева и др.). Это позволило пролить свет на формирование кружка так называемых «милитаристов», которых автор считал инициаторами, организаторами и наиболее деятельными членами «Общества»; установить характер их первоначальных общественно-политических воззрений; проследить их теоретический рост в связи с обращением к изучению и переводам произведений Маркса и Энгельса. В статье обстоятельно рассмотрена переводческая и издательская работа «Общества». Самостоятельное значение имеет попытка Анатольева проследить развитие рабочей печати в 70 — начале 80-х гг. и выяснить на этой основе специфику подхода «переводчиков и издателей» к проблеме издания литературы для рабочего класса.

Впервые были выявлены состав и революционные связи «Общества» с «Народной волей», с харьковскими народническими группами, с благоевцами, с группой «Освобождение труда», с польской партией «Пролетариат» через Л. Яновича, с Ф. Энгельсом через Е. Паприц и т. д.³, раскрыты такие важные аспекты его деятельности, как пропаганда среди военных, в студенческих и рабочих кружках, распространение издаваемой литературы.

П. И. Анатольев гораздо более осторожно, нежели

¹ Речь идет о письме «К товарищам» и еще об одном письме, обнаруженном у Л. Г. Дейча при его аресте во Фрейбурге. Последнее было принято Сергиевским за письмо какого-то «питерского единомышленника» женевской группы, хотя в действительности принадлежало С. Гринфесту.

² Анатольев П. Из истории марксистской и рабочей печати России (80-е годы) // История пролетариата СССР. 1931. № 6; *Его же*: Общество переводчиков и издателей: (К истории марксизма в России) // Каторга и ссылка. 1933. № 3 (100).

³ См.: Анатольев П. Общество переводчиков и издателей: (К истории марксизма в России). С. 134—136.

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 95. *Его же*: Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 179. См. также: От Истпарта [Предисловие] (см. там же. С. 4).

² См.: Сергиевский Н. Л. Народничество 80-х годов. С. 184.

³ См.: Дейч Л. Вместо библиографии: Оригинальное юбилейное произведение // Группа «Освобождение труда». М.; Л., 1925. Сб. 3. С. 352.

⁴ См. там же. С. 356—358.

Сергиевский, подошел к характеристике идеологии «Общества», хотя имел несравненно большие возможности для категорических суждений. Помимо указанных источников, он проанализировал часть материалов, вышедших из-под пера самих участников организации (Предисловие к изданию книги Луи Блана «О монархии и республике», обращение «От издателей» в журнале «Социалистическое знание», Предисловие и Примечания к переводам работ Ф. Энгельса, воззвание «Товарищи работники!»)¹, т. е. все то, что давало возможность судить об их социально-политических взглядах, об их отношении к учению Маркса и Энгельса. Автору были известны отзывы Ленина о работах Распопина, являвшегося одним из идейных вдохновителей «Общества»².

В статье, относящейся к 1931 г., Анатолев выдвинул внутренне противоречивую точку зрения на теоретический уровень «Общества переводчиков и издателей». Отдавая дань социологическому упрощенчеству, столь распространенному в то время, он ставил уровень теоретических достижений революционной интеллигенции в прямую связь с ростом рабочего класса и уровнем его движения. Отсюда и следовал вывод: «Недостаточная зрелость русских рабочих определяла и неполноценность марксизма группы милитаристов»³. В их теоретических положениях Анатолев усматривал «остатки мелкобуржуазного влияния» и отмечал, что при всей значительности работы по пропаганде марксизма они не дали «ясной классовой программы». Но, с другой стороны, автор видел в «милитаристах» не просто интеллигентов, ищущих иные пути, а новых людей, «поставивших себе ясные цели, сразу взявшихся за популяризаторскую работу основ научного социализма», «довольно видных проводников марксизма»⁴. Выпуск «Обществом» «Анти-Дюринга» явился для Анатолева свидетельством «значительной теоретической зрелости» и марксистской подготовки «переводчиков и издателей». Он утверждал даже, что их практическая работа, активная пропаганда идей Маркса и Энгельса «полностью покрывает изъяны в их теоретической мысли»⁵.

¹ См.: Анатолев П. Общество переводчиков и издателей: (К истории марксизма в России). С. 101—112.

² См.: Анатолев П. Из истории марксистской и рабочей печати России (80-е годы). С. 123.

³ Там же. С. 114—115.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Там же.

Противоречивость в суждениях Анатолева была связана, видимо, с тем, что он не сразу нашел критерий для сопоставления и оценки теоретических уровней «Общества переводчиков и издателей» и группы «Освобождение труда». Первоначально автор исходил из убеждения, что члены «Общества» «раньше Плеханова, раньше и куда больше, нежели группа «Освобождение труда», сделали для марксизма и для рабочей печати...»¹. Чтобы обосновать этот навеянный, несомненно, Сергиевским ошибочный вывод, автор прибегнул к искажению взглядов Плеханова, усмотрев, в частности в его работе «Социализм и политическая борьба», «отклонение в сторону буржуазно-либеральных высказываний», проявление «опасной тенденции рассматривать рабочий класс простым придатком буржуазии».

Неверное истолкование некоторых положений «Наших разногласий» позволило Анатолеву утверждать даже, что Плеханов «не твердо верил в возможность существования рабочей партии», ибо еще не отрешился будто бы «от мелкобуржуазных иллюзий того времени и своего народнического прошлого». В противовес этим надуманным положениям историк давал понять, что «Общество переводчиков и издателей» более четко понимало внутреннее положение страны, расстановку классовых сил, задачи организации рабочего класса и т. д. Особый акцент историк делал на том, что Плеханов стал убежденным социал-демократом в 1883 г., тогда как «милитаристы» и переводчики-издатели уже с конца 1881 г. и особенно в 1882 и 1883 гг. во всей своей деятельности значительно приближались к марксизму². И тем не менее автор затруднялся утверждать, «стали ли бы они убежденными социал-демократами» в дальнейшем³, если бы не произошел разгром «Общества» весной 1884 г.

Во второй статье Анатолева (1933 г.) мы находим более взвешенные суждения относительно идейного развития членов «Общества переводчиков и издателей», соотношения их взглядов с идеологией группы «Освобождение труда». Автор отмечал здесь, что на первых порах инициаторы «Общества» еще блуждали в поисках путей и критерия для своей деятельности⁴, сочетая в своих

¹ Анатолев П. Из истории марксистской и рабочей печати России (80-е годы). С. 131.

² См. там же. С. 100, 109—111.

³ См. там же. С. 100.

⁴ См.: Анатолев П. Общество переводчиков и издателей: (К истории марксизма в России). С. 101.

взглядах стремление к познанию научного социализма и заговорщичество типа «пронунциаменто». Постепенно освобождаясь от влияния старой мелкобуржуазной идеологии, они пытались теоретически осмыслить задачи борьбы в настоящем. На этом пути они и обнаружили, по осторожному выражению автора, что ими было сделано «некоторое приближение к марксизму»¹. Анатольев убедительно иллюстрировал это положение комментариями и примечаниями членов «Общества» к переводу работы Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»².

Более внимательный анализ документальных материалов о деятельности и связях «Общества переводчиков и издателей» с внутрироссийскими и зарубежными революционными кругами позволил Анатольеву подойти весьма близко к истине в определении того места, которое по праву принадлежит ему в истории становления социал-демократического направления в России. Согласившись с мыслью Сергиевского о том, что члены «Общества» являлись сторонниками «того революционного направления, которое получило свое выражение, между прочим, в брошюре Плеханова «Социализм и политическая борьба», Анатольев, по сути дела, отверг его вывод об их марксизме «без всяких примесей». Он писал: «Мы бы еще не назвали «переводчиков» марксистами: они только шли к марксизму, только приближались к воззрениям группы «Освобождение труда»³.

Этот основной вывод автора в условиях крайне сложной и трудной историографической ситуации того времени имел принципиальное значение: он основывался на ленинской оценке теоретического уровня программных документов группы «Освобождение труда» и уже в силу этого решительно противостоял волне субъективистских извращений идеологии последней. Отлично сознавая, что «нельзя отождествлять переводческую деятельность с принадлежностью к марксизму», автор признал безусловное идейное влияние плехановской группы на «переводчиков и издателей», как и готовность последних поддержать ее практические начинания, связанные с изданием «Библиотеки современного социализма»⁴.

П. И. Анатольев впервые дал объективную оценку

¹ См.: Анатольев П. Общество переводчиков и издателей: (К истории марксизма в России). С. 94—95, 101.

² См. там же. С. 105—112.

³ Там же. С. 119.

⁴ См. там же. С. 125.

письма «К товарищам» и выяснил его значение для укрепления связей группы «Освобождение труда» с тяготевшими к марксизму революционными кружками в самой России, в том числе и с «Обществом переводчиков и издателей». Предисловие «переводчиков» к изданному ими письму «К товарищам» автор справедливо оценил как показатель «уже более значительного идеологического роста» участников организации¹.

Историк обоснованно отметил антинародовольческий крен в воззрениях «Общества», и это позволило ему вскрыть истинный смысл озлобленных нападок Л. Тихомирова в «Вестнике «Народной воли» на идеи письма «К товарищам»: один из вождей рассыпавшейся хранины «Народной воли» верно учуял, по словам автора, врага своей партии, растущего в недрах России,— тех, кто поднимал там знамя группы «Освобождение труда»².

Установление П. Анатольевым самого факта наличия в России начала 80-х гг. революционных элементов, развитие которых закономерно вело к признанию идейно-политической платформы группы «Освобождение труда», свидетельствовало о том, что он решительно пересматривал свои первоначальные выводы относительно соотношения идейных уровней «Общества переводчиков и издателей» и группы Плеханова. За короткое время историк сумел преодолеть влияние схемы Сергиевского и встать на точку зрения тех историков, которые считали воззрения группы «Освобождение труда» самым последовательным для того времени выражением марксистских взглядов на первоочередные задачи революционного движения в России.

Вернемся, однако, к Н. Л. Сергиевскому, поскольку в сфере его научных интересов оказались и все другие, более значительные революционные образования 80-х гг. Из них особое внимание историка привлекла группа Благоева: здесь, по его мнению, лежали истоки идеологии марксистов первой половины 90-х гг., из которых «персонально... сложилось основное ядро РСДРП»³. Руководствуясь предвзятым тезисом о превосходстве идеологии «туземного марксизма» 80 — начала 90-х гг. над «заграничным» марксизмом группы «Освобождение труда», Сергиевский создал невообразимо путаную и невероятно

¹ См.: Анатольев П. Общество переводчиков и издателей: (К истории марксизма в России). С. 118—119.

² См. там же. С. 123.

³ Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 5.

противоречивую картину идейных, программно-тактических исканий «Партии русских социал-демократов». Именно в связи с этой стороной его исследования современники отмечали субъективизм автора, его склонность к поспешным обобщениям, к установлению генетических связей по тем или иным случайным признакам, к надуманным конструкциям, основанным на произвольном истолковании источников.

Последнее особенно важно учесть, ибо Сергиевский имел весьма странное представление о «критике источника». Он считал, что если в документе имеется несогласующаяся, противоречащая общему его смыслу часть, то она должна расцениваться как описка, недосмотр, фрагмент из первоначального текста и т. п. и, стало быть, отвергнута¹. Думается, что подобная «исследовательская методика» лежит в основе многих отступлений Сергиевского от исторической правды.

В Предисловии «От Истпарта» к его монографии отмечалось, что автор, выдвигая бесспорное положение о переходном характере многих народнических программ 80-х гг. и эволюционировании ряда народников того периода к марксизму, дал вместе с тем и спорные формулировки, которыми как бы стирал грань между народниками и русскими социал-демократами². Действительно, первоначальную идейно-политическую платформу группы Благоева Сергиевский почти целиком отождествил с идеологией так называемых «новых народников», «чернопередельцев второго призыва». Эта группа, писал он, «заимствовала на 9/10 свои воззрения от народников 80-х годов, или как их в свое время называли «новых народников»³.

Основанием для этого вывода явилось неправильное представление о теоретических воззрениях и характере эволюции чернопередельчества. Как мы уже отмечали, Сергиевский проводил мысль об отказе последнего от основных постулатов русского «крестьянского социализма», сближал позиции чернопередельцев «второго призыва» с позднейшими взглядами П. Л. Лаврова, чьи программные и тактические положения, в свою очередь, тщательно подгонял под марксизм. Группа Благоева, по мнению автора, получила вполне определенное идейное наследство и, стало быть, «не представляла собой ничего

¹ См.: Красная летопись. 1930. № 2 (35). С. 259.

² См.: Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 3.

³ Там же. С. 5.

нового, резко отличного от народничества 80-х годов»¹.

С точки зрения Сергиевского, группа Благоева — это один из «отпадающих от народничества пластов», находивших «выход к социализму не через крестьянство и общину, а через пролетариат»². Процесс этого «отпадения» он связывал с накоплением новых, марксистских идей в мировоззрении позднего народничества, которому «в этот период было легко переходить к марксизму, ибо в его мирозерцании было уже много элементов, сродных марксизму»³. Действительная или мнимая (доказываемая порой с помощью превратного истолкования документов) переориентация пропагандистской деятельности народников с крестьянства на фабрично-заводских рабочих для Сергиевского была достаточным основанием, чтобы зачислить их в разряд социал-демократов. Он полагал, что тем самым революционеры вступали на путь социал-демократической практики, а затем уже начинали «подводить идейное, теоретическое обоснование, заимствуя... теорию у германской социал-демократии»⁴.

Поэтому группу Благоева Сергиевский считал социал-демократической, но полагал, что она «никак не может быть названа марксистской»⁵. Для того чтобы стать таковой, она должна была бы разрешить вопрос о путях приготовления условий для осуществления социалистического переворота. Благоевцы, подпав под влияние тезиса В. П. Воронцова о беспочвенности российского капитализма, остановились будто бы в своем движении к марксизму и уклонились в сторону лассальянства, заимствовав у немецкого социалиста его учение о государстве⁶. Таким образом, имея «все данные стать марксистами», благоевцы не сумели, как и народники 80-х гг., порвать с тезисом Воронцова и сделать окончательные выводы, к которым они были «до смешного близки». «Нужно было сделать еще один шаг, — утверждал историк, — и марксистские выводы в полном объеме были бы налицо»⁷.

¹ Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 17. См. также: Сергиевский Н. Л. Народничество 80-х годов. С. 160—161.

² Сергиевский Н. Л. Народничество 80-х годов. С. 177.

³ Там же.

⁴ Сергиевский Н. Л. «Рабочий»: Газета партии русских социал-демократов (Группа Благоева). Л., 1928. С. 7.

⁵ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 86, 98.

⁶ См.: Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 55—57, 134.

⁷ Сергиевский Н. Л. Народничество 80-х годов. С. 177—178.

В идейном развитии «Партии русских социал-демократов» Сергиевский намечал три периода. Первый — «лассальянский», когда взгляды группы бывших народников еще целиком укладывались в рамки чернопредельчества «второго призыва», или, иначе говоря, народничества «другого типа», отвергавшего «русский социализм», «самобытную формулу развития», поставившего «формально приоритет рабочего перед крестьянством»¹. Второй — лассальянский, когда в связи с разработкой программы группа «определенно потянула к западноевропейскому социализму», когда в ее идеологии преобладали «испорченные» (т. е. приуроченные «к общему идейному народническому строю») идеи Лассалья наряду с лавризмом и некоторыми элементами научного социализма. Третий — поворотный от лассальянства к марксизму. Этот период, начавшийся с весны 1885 г., совпал с упадком деятельности группы². Очевидно, что эта жесткая схема, заключавшая в себе и некоторые правильные наблюдения, не давала ясного представления о внутренней логике идейного развития группы Благоева, о соотношении тех идейных компонентов, которые нашли отражение в первоначальном проекте разработанного ею к концу 1884 г. проекта программы.

Не случайно, что еще в 1924 г. Н. Л. Сергиевский счел возможным отвергнуть выдвинутое Благоевым в письме к Б. А. Гинзбургу (Д. Кольцову) от 23 февраля 1903 г. определение идеологии «Партии русских социал-демократов» как смеси марксизма с лассальянством и лавризмом. «Идеология группы,— писал он,— представляла собою не смесь марксизма с лассальянством и лавризмом, а не выдерживающее никакой критики, с точки зрения научного социализма, русифицированное лассальянство с лавристскими эклектическими пережитками»³. Позднее (в 1928 г.) автор вынужден был согласиться с наличием существенных элементов марксизма в программе благоевцев, но тем не менее утверждал, что «марксизм признавался ими лишь в принципе, лавризм определял лишь тактику, а лассальянство было совсем не правоверное»⁴. Так что же

¹ См.: *Сергиевский Н. Л.* Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 24, 40.

² См. там же. С. 43; *Сергиевский Н. Л.* «Рабочий»: Газета партии русских социал-демократов (Группа Благоева). С. 14, 17.

³ *Сергиевский Н.* Дмитрий Благоев в Петербурге (1880—1885 гг.) // Красная летопись. 1924. № 2. С. 46—47.

⁴ *Сергиевский Н. Л.* «Рабочий»: Газета партии русских социал-демократов (Группа Благоева). С. 16.

представляло собою их мирозерцание? — спрашивал Сергиевский. И отвечал: «...они были новыми народниками, заменившими формулой западноевропейского развития отпавшую старую народническую формулу самобытного развития, и только»¹. Высказав эту мысль, логически вытекавшую из его несостоятельных взглядов на соотношение народничества и марксизма, Сергиевский в своей книге о благоевцах поставил все точки над «i»: он охарактеризовал их как «марксистов лавристского направления»². Так благоевцы, которых автор в 1926 г. называл «социал-демократами лассальянского уклона»³, в 1929 г. под его пером превратились в марксистов никогда не существовавшего лавристского направления вопреки его же собственному противопоставлению понятий «социал-демократизм» и «марксизм».

Связать суждения Сергиевского в нечто последовательное и стройное затруднительно, если не невозможно: они полны противоречий. С одной стороны, он утверждал, что благоевцы подошли к западноевропейскому социал-демократизму «именно по следам Маркса», с другой — доказывал, что Лассалья они знали лучше, чем Маркса. С одной стороны, говорилось, что благоевцы уверовали в тезис Воронцова об отсутствии в России базы для развития капитализма, с другой — заявлялось, что для них «не подлежало никакому сомнению, что русский капитализм рано ли, поздно ли в силу законов диалектики приведет к своему отрицанию»⁴. С одной стороны, доказывалось, что ряд важнейших теоретических вопросов благоевцы решали в духе теории Маркса и Энгельса, с другой — подчеркивалось, что в момент разработки своей программы «они до самостоятельного понимания Маркса... еще не дошли, а восприняли его лишь в интерпретации П. Л. Лаврова...»⁵. Подобные противоречия не могли, конечно, дать научной основы для предпринятого Сергиевским анализа программных документов группы Благоева.

Сергиевский не отрицал знакомство благоевцев с воззрениями группы «Освобождение труда». Казалось бы,

¹ *Сергиевский Н. Л.* «Рабочий»: Газета партии русских социал-демократов (Группа Благоева). С. 17.

² *Сергиевский Н. Л.* Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 175.

³ *Сергиевский Н. Л.* Народничество 80-х годов. С. 177.

⁴ *Сергиевский Н. Л.* Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 51.

⁵ Там же. С. 54.

тем самым он намечал реальный путь, который позволял выйти — или, вернее, выпутаться — из лабиринта созданных им противоречий, более четко обозначить действительный смысл идейных поисков Благоева и его товарищей после установления связей с плехановской группой. Но он, провозгласив конец лассальянского периода в идейной жизни блagueвцев и указав на их поворот к марксизму, неожиданно сосредоточил все свое внимание на программно-тактическом противоборстве двух групп. С помощью различных гипотетических предположений и произвольных толкований позиций группы «Освобождение труда» Сергиевский сделал попытку доказать недоказуемое: идейно-теоретическое превосходство и, следовательно, большую жизненность «марксистов лавристовского направления» над марксизмом Плеханова.

Этому Сергиевский подчинил анализ основных программных документов группы Благоева (в том числе статей двух номеров газеты «Рабочий»), в которых он видел ценный комментарий к ее программе, опубликованной в 1918 г.¹ В своем анализе, наряду с отдельными правильными наблюдениями, автор допустил крупные ошибки, которые, вопреки его положению о переходном характере идеологии блagueвцев, повлекли за собой явную модернизацию их идейно-теоретических и политических представлений: отдельные стороны взглядов деятелей «Партии русских социал-демократов» подтягивались на уровень идей большевизма. Это не мешало Сергиевскому даже в 1930 г. утверждать, что он не считает блagueвцев «вполне сформировавшимися марксистами», ибо у них «была теоретическая сумятица в голове»². Трудно представить, как из «теоретической сумятицы» могло произрасти предвосхищение каких бы то ни было сторон учения Ленина.

Построения Сергиевского вызвали резкую и во многом справедливую критику со стороны Б. И. Пугачевского, В. И. Невского и некоторых других историков. Пугачевский, например, отметил целый ряд серьезных противоречий и ошибок Сергиевского в анализе программно-тактических взглядов блagueвцев. В частности, он отверг отчетливо проводившуюся исследователем тенденцию приписать им ясное понимание соотношения борьбы за демокра-

¹ См.: Сергиевский Н. Л. «Рабочий»: Газета партии русских социал-демократов (Группа Благоева). С. 5—6.

² Сергиевский Н. Письмо в редакцию // Красная летопись. 1930. № 2 (35). С. 258.

тию с борьбой за социализм. «До конца последовательно задачу сочетания борьбы за конечные цели и за свержение царизма,— отмечал Пугачевский,— разрешили большевики. Для своего же времени (1883—1894 гг.) правильно поставил и в основном правильно разрешил эту задачу Плеханов. Благоевцы же не в состоянии были ни поставить как следует эту задачу, ни решить ее»¹. В этой связи оппонент Сергиевского вскрыл несостоятельность той аргументации, с помощью которой последний модернизировал взгляды блagueвцев по важнейшим программным вопросам.

Б. И. Пугачевский убедительно показал путаницу суждений автора относительно представлений «Партии русских социал-демократов» на соотношение буржуазной и социалистической революции, в частности, на характер предстоящей революции, ее движущие силы, пути общественных преобразований². По всем этим вопросам, отмечал Б. И. Пугачевский, Сергиевский действительно преувеличивал теоретическую зрелость блagueвцев: под его пером они из новонародников превратились в «большевиков», задолго до Ленина предвосхитивших его идеи (гегемония пролетариата, союз рабочего класса и крестьянства и т. д.)³. Итоговый вывод Пугачевского гласил: «...Сергиевский не дал верной оценки взглядов блagueвской группы. Желание «модернизировать» народнические и лассальянские взгляды у блagueвцев, вплоть до сведения последних к большевистским лозунгам, вносит только вредную путаницу. Точно так же противопоставление блagueвской группы, как более последовательной и выдержанной, группе «Освобождение труда» только искажает, упрощает, вульгаризирует сложный процесс формирования марксизма в России и РСДРП»⁴.

Автор этого сурового, но в основном справедливого «приговора» изысканиям Сергиевского в области идейного развития «Партии русских социал-демократов» столь же справедливо упрекнул его в принижении роли Д. Благоева в разработке ее программно-тактических установок. Действительно, Сергиевский считал Благоева в теоретическом отношении менее подготовленным, нежели П. А. Латышева, который будто бы являлся «единствен-

¹ Пугачевский Б. По поводу книги тов. Н. Л. Сергиевского «Партия русских социал-демократов. Группа Благоева» // Пролетарская революция. 1929. № 8—9 (91—92). С. 184—185.

² См. там же. С. 186—187.

³ См. там же. С. 186.

⁴ Там же.

ным теоретиком» группы, творцом ее мирозерцания¹. Еще в 1924 г. он утверждал, что Благоев воспринял идеологию Латышева и Благославова, «был наименее последовательным благоевцем... ибо он вырывался за пределы идеологии группы в сторону утопизма и народовольческих иллюзий...». Автор особо подчеркивал, что до высылки в Болгарию (1885 г.) Благоев «марксистом... несомненно не был», что его марксизм начинается с заграницы². Б. Пугачевский отверг этот свойственный не одному только Сергиевскому взгляд, указав, что автор переоценил роль Латышева в группе и умалил значение Благоева как выразителя ее лучшей части³.

Суждения Пугачевского в известной мере перекликались с замечаниями В. И. Невского, который в 1928 г. опубликовал рецензию на предпринятую Сергиевским публикацию газеты «Рабочий». Рецензент отверг попытку Сергиевского генетически связать идеи благоевцев о союзе городских рабочих и крестьян с ленинским учением. «Союз рабочих и крестьян Ленина, — писал он, — это совсем не тот союз, который проповедовали благоевцы; ведь если отождествить эти две концепции, то придется признать, что ленинская концепция — народническая концепция»⁴. Соглашаясь с автором относительно идейной зависимости благоевцев от «новых народников» и Лаврова, Невский отметил немарксистский характер их взглядов на государство.

С точки зрения дальнейшего развития историографии социал-демократического движения вообще, группы Благоева в особенности, критические выступления Б. И. Пугачевского и В. И. Невского имели существенное значение: они наносили весомый удар по широко распространенной в то время тенденции установления идейной преемственности российского марксизма (в том числе и большевизма) от народничества, остро выдвигали требование строго научного подхода к вопросу соотношения, взаимодействия и взаимодействия группы «Освобождение труда» с социал-демократическими (или тяготеющими к ним) организациями в самой России, указывали на проявления субъективизма, порождавшего надуманные

¹ См.: *Сергиевский Н. Л.* Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 161, 167.

² См.: *Сергиевский Н.* Дмитр Благоев в Петербурге (1880—1885 гг.). С. 46, 51.

³ См.: Пролетарская революция. 1929. № 8—9 (91—92). С. 194.

⁴ Историк-марксист. 1928. Т. 10. С. 252.

схемы и гипотезы на основе произвольного истолкования источников.

Взгляды Н. Л. Сергиевского на идеологию «Партии русских социал-демократов» тогда же подверглись резкой критике «справа». Мы имеем в виду выступление Б. Николаевского, который еще в 1918 г. в предисловии к публикации программы благоевцев явно обнаруживал связь своих идей с меньшевистской апологетикой группы «Освобождение труда», хотя и в несколько завуалированной форме. Уже тогда, внося «поправку» в оценку взглядов «Партии русских социал-демократов», данную Благоевым, он подчеркивал, что элементы лавризма, и особенно лассальянства, играли в них более крупную роль, чем элементы научного социализма. Автор отвергал распространенную схему о «заграничном происхождении» русской социал-демократии и последующем «привнесении» ее в Россию. Он считал, что социал-демократизм, правда, в идеологически менее совершенных формах, но одновременно с появлением его в кружках эмиграции, нарождался и в России, органически вырастая из всего предшествующего развития революционного движения. Действовавшие в России группы революционеров-практиков шли к марксизму иным, самостоятельным путем, и лишь впоследствии, когда они смогли познакомиться с документами группы «Освобождение труда», эти пути слились на основе взглядов последней, «как стоявшей в теоретическом отношении неизмеримо выше действовавших в России групп»¹.

Центральным в статье Николаевского был вопрос о соотношении группы «Освобождение труда» с группой Благоева с точки зрения их реального вклада «в общее достояние формирующейся социал-демократической идеологии». Концепции Сергиевского он противопоставил тот взгляд, который возводил группу «Освобождение труда» в ранг творца «теории русского марксизма», «боевой теории русского пролетарского движения» — в том смысле, который исключал признание творческого развития и обогащения марксизма В. И. Лениным и представлял «марксизм Плеханова» единственно правильной теорией для всей «эпохи борьбы за ликвидацию абсолютизма» в России².

¹ *Николаевский Б.* Программа первого в России с.-д. кружка // Былое. 1918. № 13 (кн. 7). С. 39—40.

² См.: *Иванов Б. (Николаевский Б.)* Н. Л. Сергиевский как историк партии русских социал-демократов (1884—1887 гг.) // Каторга и ссылка. 1931. № 1 (74). С. 104—105.

Искусно используя методологические промахи, фактические ошибки и очевидные изъяны исследовательской методики Сергиевского, Николаевский доказывал, что благоевцы «теоретически не стояли на пролетарской классовой позиции», ибо их программно-тактические построения исключали посылку о классовой самостоятельности пролетариата¹. В целях обоснования этой прямолинейной постановки вопроса, не учитывавшей всей сложности идейного развития благоевцев, автор вольно или невольно преувеличивал зависимость их идеологии от «самобытничества» различных народнических течений послепервотовского периода, связывал их лассальянство с не изжитой еще надеждой «перескочить» капиталистическую стадию развития и т. д.²

Особенно упорно Николаевский настаивал на неспособности благоевцев отграничить буржуазно-демократическую революцию от социалистической (и в связи с этим найти теоретически правильное решение проблемы программы-минимум), провести классовую грань между пролетариатом и крестьянством. Но анализ всех этих вопросов, будучи нацеленным на опровержение попытки Сергиевского связать идеологию благоевцев с большевизмом, оказался однобоким: он свелся к доказательству того, что в основе миросозерцания благоевцев лежало будто бы «старое народничество»³.

На этой ложной основе оппонент Сергиевского резко противопоставил друг другу идейно-политические позиции «Партии русских социал-демократов» и группы «Освобождение труда». Он справедливо отвергал его точку зрения на характер взаимоотношений между ними, правильно констатировал большую зрелость и во многом определяющее влияние плехановской группы на идейное развитие благоевцев. Но при этом Николаевский, вполне основательно обвинявший Сергиевского в «тенденциозно-неправильной» трактовке позиций двух групп, сам был далеко не безгрешен в этом отношении: опираясь на позднейшие воспоминания В. Г. Харитонов, который считал группу Благоева социал-демократической лишь «по имени», по «внешней окраске», он фактически сводил на нет ее самостоятельные идейные искания и достижения.

¹ См.: Иванов Б. (Николаевский Б.) Н. Л. Сергиевский как историк партии русских социал-демократов (1884—1887 гг.). С. 84.

² См. там же. С. 85—94.

³ См. там же. С. 94.

Чем же, по мнению Николаевского, были благоевцы? «Людьми, хотевшими быть социал-демократами и действительно в своей практической деятельности пытавшимися найти новые пути, но еще далеко не порвавшими пуповину, которая соединяла их с народничеством, еще только начинавшими усваивать азы марксизма. Они были социал-демократами не на основе принятия марксистской теории, а от практического вывода, к которому их привел небольшой опыт революционной работы»¹. Это новое понятие — «социал-демократы от практического вывода» — явилось для Николаевского ключевым в подходе к вопросу о путях движения революционной интеллигенции к марксизму. Эти пути, по Николаевскому, были различны: если благоевцы (а затем и участники других социал-демократических кружков в России) шли к марксизму «от практического вывода», то Плеханов «ко всему подходил... от логики теоретических посылок»².

Это противопоставление не имело ни фактических, ни логических оснований. Оно понадобилось Николаевскому, пытавшемуся начисто игнорировать такой определяющий для судеб российского социал-демократического движения фактор, как творческое развитие марксистской теории В. И. Лениным уже с середины 90-х гг., чтобы «доказать», что в «основе всего здания русского марксизма» лежат работы Плеханова, что именно группа «Освобождение труда» была единственным первоучителем «многих поколений русских марксистов»³. Но это представление, политический смысл которого более чем прозрачен, к началу 30-х гг. звучало явным анахронизмом: исторически ограниченное видение Плехановым коренных проблем и перспектив российского революционного движения было уже в основном выяснено историко-партийной наукой, как и тот факт, что в идейной и организационно-практической подготовке нового периода в истории русской социал-демократии марксистские организации «утробного периода» сыграли, наряду с группой «Освобождение труда», весьма крупную роль.

Однако путь историков-марксистов к уяснению этого факта был противоречив и труден. Н. Л. Сергиевский еще в 1923 г. обратил внимание научной общественности на почти неизвестный в то время кружок П. В. Точисско-

¹ Иванов Б. (Николаевский Б.) Н. Л. Сергиевский как историк партии русских социал-демократов (1884—1887 гг.). С. 102.

² Там же. С. 105.

³ См. там же. С. 105—106.

го («Товарищество Санкт-Петербургских мастеровых»), представляющий, по его словам, «исключительный исторический интерес». Но попытка автора определить место этой организации в развитии социал-демократического движения в стране оказалась неудачной: с одной стороны, верно отмечалось, что взгляды Точисского противостояли народофильству и, следовательно, указывали на идеологический перелом в тогдашних революционных сферах, а с другой — его идеология решительно противопоставлялась не только группе «Освобождение труда», но и группе Благоева.

Сергиевский признавал, что члены кружка Точисского читали «Наши разногласия», допускал, что именно плехановская группа натолкнула их на «марксистский путь», указывал на их связи с благоевцами. Но тем не менее подчеркивал, что Точисский «занял особую самостоятельную позицию», «пошел по самостоятельной дороге, его идеология была иная»¹ (выделено мной. — Р. Ф.). Спрашивается, какая же? «Самобытная марксистская идеология» — таков был не подкрепленный никакими аргументами ответ автора, и это наглядно отражало слабость его методологических позиций. Опираясь всего лишь на воспоминания А. Л. Брейтфуса, отчасти записанные им самим под диктовку последнего², и доклад Департамента полиции министру внутренних дел, Сергиевский отметил нечто «самобытное, необычное и своеобразное» в организационных принципах и тактике «Товарищества», усмотрев во всем этом «новую, самостоятельную от «группоосвобожденчества» между». Как видим, мысль о принципиальной меже, разделяющей марксизм группы «Освобождение труда» и идеологию «туземных марксистов», столь рано овладевшая сознанием историка, базировалась на очень зыбкой источниковедческой базе.

В 1924 г. Сергиевский попытался подкрепить свои доводы указанием на то, что кружок Точисского был «экономистским» и в качестве такового противостоял группе «Освобождение труда» с ее «сугубым подчеркиванием политического момента»³. Это была совершенно неправомерная попытка найти корни «экономизма» 90-х гг.

¹ Сергиевский Н. Л. О кружке Точисского // Красная летопись. 1923. № 7. С. 340—341.

² Там же. Воспоминания А. Л. Брейтфуса были опубликованы в том же номере «Красной летописи» (С. 324—339).

³ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 113—114.

в рабочих организациях 70-х гг., а также в идеологии социал-демократических групп следующего десятилетия. Но надуманная версия Сергиевского давала ему возможность противопоставлять тактику группы «Освобождение труда» (крайне плохо, конечно, понятую) тактике «туземных» социал-демократов. Определив группу Точисского как промежуточную между благоевцами и брусневцами, автор утверждал, что ее руководитель отрицал будто бы тактику «революционирования рабочих» и заботился лишь об их развитии и внедрении в их среду знаний, для того чтобы «приготовить из них вождей, способных руководить планомерной и систематической борьбой с существующим строем»¹.

С этих позиций Сергиевский рассматривал и деятельность петербургской социал-демократической группы М. И. Бруснева (петербургский «Рабочий союз»). Опираясь почти исключительно на воспоминания участников группы (М. И. Бруснева, Л. Б. Красина, В. В. Святловского, В. Голубева и др.) и далеко не всегда критически подходя к ним, автор отнес их к «экономистам поневоле» на том основании, что пропаганда в кружках будто бы оставляла место лишь для борьбы на почве экономических требований. Отсюда и следовал вывод: работа брусневцев (как и других социал-демократических кружков Петербурга) «представляла культурническо-пропагандистский экономизм на всем протяжении периода с 1888 по 1892 г. и решительно отличалась от того, к чему призывала программа группы «Освобождение труда» 1887 г.»² (т. е. второй проект программы, относящийся к 1885 г.). Сергиевский явно недооценивал не только известные проявления активной политической деятельности группы Бруснева, но и тот факт, что она смыкалась с направлением группы «Освобождение труда» в решении основной задачи — пробуждения и развития классового самосознания пролетариата.

Из числа кружков и групп 80 — начала 90-х гг., составлявших в условиях самодержавной России исходную базу развития социалистической рабочей партии, пристальное внимание Сергиевского привлек «Федосеевский кружок» (т. е. несколько кружков в Казани, организованных центральной группой, во главе которой стояли Н. Е. Федосеев, А. А. Санин и другие марксисты). Работа над этим

¹ Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 120.

² Там же. С. 124—125.

сюжетом является важнейшим звеном в изысканиях историка, который на протяжении полутора лет (с января 1892 — до лета 1893 г.) имел почти ежедневные встречи с Н. Е. Федосеевым во Владимире¹ и, безусловно, испытал на себе сильное идейное влияние этого выдающегося деятеля раннего социал-демократического движения. Несомненно и то, что Федосеев посвятил Сергиевского в некоторые детали своего «казанского дела».

Тем не менее исследование казанского периода деятельности Федосеева и созданных им кружков представляло серьезные трудности в связи с безвозвратной утратой подлинных документов дознания, производившегося казанским ГЖУ. Опираясь главным образом на архивные дела Департамента полиции, Сергиевский в специальной статье восстановил не только общую картину дознания, но и все дальнейшее разбирательство по делу о казанском «Федосеевском кружке»². Эту большую статью он сам считал «совершенно самостоятельной и целостной работой», хотя она давала возможность лишь приблизительно представить характер организации и ее практической деятельности, установить инициаторов и руководителей, их идейно-политическую ориентацию.

Свои наблюдения по всем указанным аспектам Сергиевский обобщил в другой статье, увидевшей свет в 1924 г.³ Он установил, что дознание и следствие, проведенное царскими властями, основывалось на различных данных лишь по одному кружку (так называемому «троичан», уроженцев г. Троицка, продолжавших свое образование в Казани). Инициаторами создания и руководителями этого кружка были Федосеев и Санин — представители центрального кружка, который не был до конца раскрыт жандармами. В связи с этим возникли большие трудности для исследования идейного развития и практической деятельности всей организации. Тем не менее Сергиевский установил, что кружок Федосеева еще не конституировался, так как не успел выработать самостоятельную программу, хотя уже вполне определился в своем революционно-марксистском направлении⁴. В общих чер-

¹ См.: *Сергиевский Н.* Воспоминания о Н. Е. Федосееве, 1892—1895 гг. // Федосеев Николай Евграфович: Сб. воспоминаний. М.; Пг., 1923. С. 37.

² См.: *Сергиевский Н.* Федосеевский кружок 1888—1889 гг. // Красная летопись. 1923. № 7, 9.

³ *Сергиевский Н. Л.* Так что же такое Федосеевский кружок 1888—89 гг.? // Историко-революционный сборник. Т. 1. М.; Пг., 1924.

⁴ См. там же. С. 69—70.

тах было выяснено отношение Федосеева и других членов центрального кружка к господствующим народническим и народофильским воззрениям, верно намечены мотивы обращения идейного руководителя организации к изучению реформы 1861 г. и судеб крестьянской общины, более или менее точно раскрыты практические меры по созданию необходимой литературной базы для расширения пропаганды марксистских идей и т. д.

Исследования Сергиевского, по сути дела, впервые раскрывали эту яркую сторону напряженной работы революционной мысли над выработкой социал-демократического мировоззрения в труднейших условиях политической реакции 80-х гг. Можно лишь сожалеть, что истолкование отдельных сторон этого сложного процесса историк подчинял своим неверным концептуальным установкам. Так, говоря о том, что Федосеев отвергал философское обоснование народничества, он приписывал ему отрицательное отношение не только ко взглядам Лаврова и Михайловского, но и к учению Чернышевского. Печать явной тенденциозности легла и на соображения историка об отношении Федосеева и других членов центрального кружка к программе группы «Освобождение труда». Здесь мы вновь встречаемся со странной попыткой отделить идейную жизнь казанского подполья от сколь угодно серьезного влияния плехановской группы, исключить произведения Плеханова из числа идейных источников становления Федосеева как марксиста. Автор не мог отрицать знакомства Федосеева с «Нашими разногласиями», но все-таки делал упор на предположении, что у него не было «группоосвободительской» литературы, что он знакомился с марксизмом непосредственно по произведениям Маркса и Энгельса¹. Признав факт обсуждения в кружке «троичан» второго проекта программы группы «Освобождение труда», историк сделал вывод, что его участники не примкнули к ней в связи с отрицательной позицией Федосеева. Не располагая фактическими данными, Сергиевский все-таки ставил вопрос о том, что же не удовлетворяло Федосеева в программе группы «Освобождение труда», и делал совершенно произвольное заключение: деятели последней в своем стремлении объединить все революционные направления составили будто бы «согласительную» программу, тогда как Федосеев решительно выступал «против всякого соглашательства», стоял

¹ См.: *Сергиевский Н. Л.* Так что же такое Федосеевский кружок 1888—89 гг.? С. 73.

за чистоту программы, имеющей в виду исключительно только пролетариат¹.

Несколько иначе Сергиевский решал этот вопрос в своих воспоминаниях о Федосееве, составленных еще в 1907 г. по просьбе Ольминского, но опубликованных лишь в 1923 г. По словам мемуариста, Плехановская программа представлялась Федосееву «только основой», причем «недостаточно практической» и «слишком общей» в своей экономической части, в формулировке «рабочих требований». Надо полагать, эту точку зрения Федосеева автор относил уже к владимирскому периоду его деятельности, хотя и тогда, по его мнению, он «окончательно взгляда на эту часть требований... еще не установил»².

Неосновательно приписывая Федосееву «противопоставление марксизма социал-демократизму» как нечто вообще характерное для него³, Сергиевский утверждал, что он примирился с «группоосвобожденчеством» только по прочтении номеров «Социал-демократа» в 1893 г.⁴ Но в этом издании Плеханов развивал те же идеи, что и в середине 80-х гг., по ряду вопросов углублял их и шел дальше, и представляется невероятным, чтобы Федосеев в 1888—1889 гг. не сумел по достоинству оценить первые опыты применения метода Маркса к анализу социально-экономических и политических условий России.

Ошибочно полагая, что Федосеев и Санин в то время проводили марксистскую линию, отличную от позиций группы «Освобождение труда», Сергиевский возвел в ранг главного идеолога и руководителя всей организации казанских марксистов П. Н. Скворцова. Отсюда и следовал его итоговый вывод, что центр, направлявший всю деятельность марксистских кружков Казани и действовавший под идейным руководством Скворцова, «критически относился к группе «Освобождение труда», «отрицал фи-

¹ См.: *Сергиевский Н. Л.* Так что же такое Федосеевский кружок 1888—89 гг.? С. 76—77. Некритически используя показания некоторых участников кружка «тройчан», Сергиевский делал вывод, будто Федосеев отвергал необходимость пропаганды в каких бы то ни было других слоях народа, кроме рабочих.

² *Сергиевский Н. Л.* Воспоминания о Н. Е. Федосееве, 1892—1895 гг. С. 75.

³ Сергиевский разъяснял, что, по терминологии Федосеева, марксист — «это теоретик — идеолог рабочего класса, обыкновенно выходец не из рядов класса, социал-демократ — это практический борец, вождь рабочего класса, преимущественно выходец из того же класса» (см. в кн.: Федосеев Николай Евграфович: Один из пионеров революционного марксизма в России. М.; Пг., 1923. С. 74).

⁴ См.: *Сергиевский Н. Л.* Так что же такое Федосеевский кружок 1888—89 гг.? С. 78.

лософский эклектизм «Группы» того времени в части о терроре и о российской интеллигенции в целом»¹. Эта неряшливая формулировка наглядно иллюстрирует причудливые «зигзаги мысли» историка, упорно отодвигавшего группу «Освобождение труда» от шедшего навстречу ей марксистского направления в самой России. Субъективизм Сергиевского во многом обесценивал ту часть его работ, которая касалась сложных путей формирования социал-демократического мировоззрения в специфических условиях России.

Следует, однако, учитывать, что в разработке этой проблематики Сергиевский во многом шел по целине. Будучи первооткрывателем и первым истолкователем многих ценнейших документов, он не мог избежать того, что теперь представляется нам цепью ошибок и противоречий. Лавина архивных находок первостепенной значимости, опережая движение исследовательской мысли, властно раздвигала горизонты познания, заставляла безжалостно ломать не только устоявшиеся традиционные представления, но и едва намечавшиеся новые концепции и гипотезы. В этих условиях многие построения Сергиевского падали, не успев утвердиться, хотя в целом его творчество стимулировало изучение проблемы, вносило в научный процесс нечто объективно ценное и непреходящее — необходимые фактические данные, без которых невозможно было реально представить генезис социал-демократического движения в стране.

Свои наблюдения на этот счет Сергиевский обобщил в статье «К вопросу о возрасте Ленинградской организации ВКП(б)»². Первой генетической клеткой, давшей определяющий толчок неудержимому развитию российской социал-демократии, автор считал «Северный союз русских рабочих». От него он тянул линию идеологической (а также и организационной) преемственности — через рабочую организацию «Народной воли» и «Черный передел» — к благоевской и брусневской группам. Справедливо отмечая факт вовлечения в деятельность народных организаций части рабочих «Северного союза», Сергиевский ошибочно полагал, что рабочая группа «Народной воли» «по сути своей пропаганды приближалась к социал-демократизму», а партия «Черного передела» «сама превращалась в социал-демократическую»³. Но по-

¹ *Сергиевский Н. Л.* Так что же такое Федосеевский кружок 1888—89 гг.? С. 89.

² См.: Красная летопись. 1930. № 2 (35). С. 5—25.

³ См. там же. С. 7, 9.

добная трактовка эволюции старых народнических партий не помешала ему установить связанные с их пропагандой в среде пролетариата определенные (в том числе и персональные) нити, ведущие к группе Благоева. Характерно, что теперь автор, вопреки своим прежним установкам, постепенное изменение идейного облика благоевцев связывал с их движением «к чистому марксизму».

Раскрывая сложнейшую картину внутренних связей революционного подполья, Сергиевский нащупал то «объединение практически работающих социал-демократов» («марксистский социал-демократический центр»: Г. М. и Ю. И. Родзевичи, Г. В. Петровский, Б. Ф. Лелевель и др.), которое являлось, видимо, первоначальным ядром будущей группы М. И. Бруснева. Автор установил связь Точисского с участниками этого центра, что и позволило внести новые важные штрихи в характеристику идеологии и практической деятельности «Товарищества санкт-петербургских мастеровых». Последнее представлялось ему вполне социал-демократическим, а Точисский характеризовался как законченный марксист¹. Картина вскрытых на основе изучения архивов департамента полиции и министерства юстиции революционных связей Точисского с группой Благоева и указанным центром произвела на Сергиевского сильное впечатление: он высказал мысль о том, что Точисский координировал свою деятельность с этими организациями. Более того, он допускал даже, что кружок Точисского, работавший сначала параллельно с благоевцами, во второй половине своей деятельности (в 1887—1888 гг.) перестал быть самостоятельной организацией, так как присоединился к общей работе «социал-демократического центра». Во всяком случае, автор категорически утверждал, что рабочая часть кружка Точисского, организовавшаяся еще в 1886 г., целиком вошла в группу Бруснева².

Н. Л. Сергиевский, таким образом, первым приоткрыл завесу над истоками петербургской социал-демократической группы М. И. Бруснева, указал на роль польских революционеров в формировании ее первоначального ядра, наметил пути дальнейшего изучения сложной проблемы складывания организационных форм марксистского направления в освободительном движении России.

Установление на документальной основе прямых прием-

¹ См.: Красная летопись. 1930. № 2 (35). С. 11—13.

² См. там же. С. 13, 17.

ственных связей социал-демократических организаций 80 — начала 90-х гг. друг с другом явилось важным достижением Сергиевского, значительным вкладом его в историографию раннего социал-демократического движения. К сожалению, идейная сторона этих связей была очерчена автором слишком общими, пунктирными штрихами, не позволяющими целостно представить всю сложность и многомерность мировоззренческих поисков революционной интеллигенции и передовых рабочих того времени. Делая упор на выяснении контактов между тяготеющими к марксизму тайными кружками, Сергиевский оставлял в тени неуклонно набиравший силу процесс идейного размежевания сторонников социал-демократического и различных народнических направлений, прежде всего народовольческого. А ведь именно здесь центр тяжести идейно-политической борьбы в недрах революционного подполья 80 — начала 90-х гг. Переход от народничества к марксизму совершался отнюдь не в рамках идейной трансформации народничества, как это представлялось Сергиевскому, а в ожесточенной борьбе марксистского направления, провозглашенного в 1883 г. группой «Освобождение труда», с народнической идеологией в любых ее модификациях.

Одновременно с Сергиевским историю социал-демократического движения в Казани изучал С. Лившиц. Свои изыскания, основанные на сведениях XIV тома «Обзора важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи», материалах местных архивов и собранных им самим воспоминаниях участников движения, он еще в 1922 г. обобщил на страницах журнала Татбюро Истпарта «Пути революции»¹. Общий замысел автора, стремившегося «включить» возникшее в Казани марксистское направление в процесс его общероссийского развития, не был и не мог быть в то время реализован. Тем не менее скрупулезная работа над новыми источниками позволила ему наметить общие контуры фактической истории движения, его первых очагов. В этом, собственно, и состояла заслуга С. Лившица, поскольку в его «Очерках» освещение внутренней идейной жизни казанского революционного подполья второй половины 80 — начала 90-х гг. оказалось самым слабым местом.

Особенно наглядно это проявилось в оценке идеологии

¹ Лившиц С. Очерки истории Казанской социал-демократии (1888—1916 гг.) // Пути революции (Казань). 1922. № 1.

кружка Н. Е. Федосеева. Введенный в заблуждение официальными сведениями о кружке «троичан», автор рассматривал последний именно как «кружок Федосеева», хотя и высказывал догадку о существовании другого, более приближавшегося к марксизму революционного объединения. Но не эта ошибка, вполне выясненная Сергиевским уже в 1923 г., определила суждения Лившица об идейно-политическом облике кружка Федосеева. Следуя жандармской версии, историк отнес к числу программных документов, принятых кружком, гектографированное воззвание (за подписью: «От партии «Молодая Россия», Москва, 12 февраля 1886 года») и листок с пятью пунктами программно-характера. Оба документа не имеют ничего общего с марксизмом. Первое представляет собой воззвание, густо окрашенное в тона позднего народофильства, выродившегося в чистый политический радикализм. По поводу же второго документа Федосеев, вообще отрицавший наличие у кружка программы, утверждал на допросе в октябре 1889 г., что это лишь «свод положений революционных программ», которые рассматривались его участниками. Лившиц признавал полное отсутствие в воззвании «Молодой России» «классовой идеологии пролетариата» и тем не менее делал вывод, что кружок Федосеева «был не социал-демократического типа и не народофильского, пожалуй, а скорее представлял собой переходную стадию между первым и вторым течениями»¹. Тем более странным было заключение автора, что кружок послужил «хорошей теоретической школой» для Федосеева, Санина и Григорьева, которые, по его словам, вскоре проявили себя убежденными социал-демократами².

В 1923 г., после появления в «Красной летописи» (№ 5 и 7) статьи Сергиевского, Лившиц пересмотрел свою точку зрения, заявив, что «кружок Федосеева — теперь уже не приходится в этом сомневаться — был определенно марксистским»³.

Важно отметить, что работа Лившица впервые знакомила читателей с состоянием социал-демократического движения в Казани в первой половине 90-х гг. Автор привел некоторые неизвестные ранее факты взаимоотношений и идейных столкновений крайне немногочисленных сторонников марксистского направления с народофиль-

¹ Лившиц С. Очерки истории Казанской социал-демократии (1888—1916 гг.). С. 96.

² См. там же. С. 97—98.

³ Пролетарская революция. 1923. № 8 (20). С. 56.

цами, очертил обстоятельства формирования марксистского кружка И. Х. Лалаянца, более или менее подробно осветил деятельность кружка А. М. Стопани, сложившегося в конце 1892 г.¹ Автор показал, что характер этой деятельности отражал общие закономерности развития социал-демократического движения на подступах к соединению научного социализма с массовым рабочим движением.

Изучение казанского социал-демократического подполья логикой его исторически сложившихся революционных связей предопределило обращение историков к наиболее значительным средоточиям марксистского направления в различных городах Центрального промышленного района России. Особенно пристальное внимание привлек г. Владимир, где в 1892—1893 гг. отбывал ссылку, а затем тюремное заключение Н. Е. Федосеев, с деятельностью которого во многом связано утверждение последовательного социал-демократического движения в крае. В процессе работы по его изучению Владимирским Истпартом были собраны ценные архивные сведения, относящиеся к деятельности Федосеева в том первом владимирском социал-демократическом кружке, который под его руководством распространил свое влияние и на другие промышленные центры губернии. Эти сведения во второй половине 20-х гг. обобщил Н. П. Шаханов², чьи работы в известной мере обогатили сообщения мемуаристов об этой яркой странице раннего социал-демократического движения.

Характеризуя роль Н. Е. Федосеева в переходе радикальной молодежи Владимира от народофильства к марксизму, Шаханов справедливо писал, что его непродолжительная деятельность заложила фундамент для марксистской социал-демократической работы в регионе. Этот вывод автор подтвердил документированным анализом пропагандистской деятельности Федосеева и других членов владимирского социал-демократического кружка

¹ См.: Лившиц С. Очерки истории Казанской социал-демократии (1888—1916 гг.). С. 101—107.

² См.: Шаханов Н. П. Николай Евграфович Федосеев и его работа во Владимирской губернии (1892—1893 гг.) // Владимирская окружная организация РСДРП. Вып. 3. Владимир, 1927; *Его же*: Н. Е. Федосеев под негласным надзором полиции во Владимире // Спутник партийца. (Владимир). 1928. № 5; *Его же*: Письмо в редакцию // Каторга и ссылка. 1929. № 6 (55); *Его же*: Николай Евграфович Федосеев: Пионер революционного марксизма в России. М., 1929.

среди рабочих в Орехово-Зуеве. Шаханов впервые ввел в научный оборот принадлежавший перу Федосеева документ, получивший название «Программы действий рабочих». К сожалению, этот выдающийся памятник пропагандистской марксистской литературы начала 90-х гг. не был рассмотрен автором с той полнотой, какой он заслуживал не только для изучения взглядов Федосеева на задачи рабочего движения в России, но и для оценки его мировоззрения в целом.

Именно этот сюжет оказался наименее разработанным в исследованиях Шаханова; они давали лишь общее представление об идейном развитии Федосеева, хотя накопленный к тому времени источниковый материал открывал некоторые возможности для более полной характеристики его научной работы, его борьбы против идеологии либерального народничества, буржуазного либерализма, толстовства и других общественно-политических течений, противостоявших марксизму. Не уделив достаточного внимания этим вопросам, автор не сумел четко определить основные вехи формирования Федосеева как марксиста (окончательное утверждение его на марксистских позициях он отнес лишь к периоду Сольвечегодской ссылки¹) и, следовательно, место этого выдающегося революционера в развитии русской марксистской мысли.

В рассматриваемый период были сделаны первые попытки изучения марксистских кружков и в ряде других городов Центра, а также Юга и Запада России. Но историографический процесс пока еще определялся здесь выявлением и накоплением различных материалов, причем, используя выражение М. Н. Покровского, в роли если не исследователей, то «передовых разведчиков», нащупывающих новые пути и для разрешения чисто специальных вопросов, выступали преимущественно сами участники социал-демократической пропаганды 80—90-х гг. Анализ созданной ими мемуарной литературы не входит в нашу задачу. Отметим лишь, что именно она легла в основу первых опытов проникновения научной мысли в идейно-политическую жизнь пропагандистских кружков, исподволь готовивших почву для вступления всего движения в «период детства и отрочества».

Таким образом, крупная проблема формирования и развития кружков и групп марксистского направления

¹ См.: Шаханов Н. П. Николай Евграфович Федосеев: Пионер революционного марксизма в России. С. 88.

в России, поставленная историками-большевиками задолго до Октября 1917 г., в 20 — начале 30-х гг. привлекла пристальное внимание ряда советских ученых. Благодаря их усилиям впервые в исторической литературе приобрели более или менее отчетливые контуры революционные объединения, идейные поиски и практическая деятельность которых обозначили исторический поворот наиболее зрелой части передовой интеллигенции от идеологии крестьянской демократии к идеологии рабочего класса, к марксизму. В ходе изучения этого поворота был сделан шаг вперед в освоении ленинской концепции, в применении научной методологии к исследованию идеологических образований, эволюция которых — при всей сложности и противоречивости — отличалась большой динамичностью и целеустремленностью.

Но связанные с этим достижения серьезно подрывались распространением концепции спонтанной трансформации народнической идеологии в социал-демократизм, с одной стороны, и предвзято-негативистским отношением к Плеханову и его группе — с другой. Исследовательский опыт показал связь этих тенденций с недооценкой (а порой и игнорированием) ленинских взглядов на изучаемую проблему. Богатейшие по своему содержанию ленинские оценки «утробного периода» истории РСДРП еще не были изучены и обобщены в той мере, которая необходима для того, чтобы применение их к конкретному анализу идеологии первых социал-демократических организаций в стране стало достаточной гарантией от проявлений субъективистской тенденциозности, вульгарного социологизма и связанного с ним упрощенчества.

Воспроизведение истории становления и развития социал-демократического направления как исторически подготовленного и целостного процесса, органично связанного взаимозависимостью всех определяющих факторов выхода революционной мысли страны на принципиально новый уровень, оставалось задачей, которую еще предстояло решать.